

«ЭПОХА БЕЗЛИКОЙ КОРОЛЕВЫ»

АГАТА, РЕГЕНТ ТЬМЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ананьина Ю.

Юлия Ананьина

Эпоха безликой королевы

«Автор»

2026

Ананьина Ю.

Эпоха безликой королевы / Ю. Ананьина — «Автор», 2026

Смута не закончилась — она сменила личину. Десять лет правления Агаты превратили Россию в чудовищный механизм: заводы Урала работают днем и ночью, выплавляя сталь для невиданной армии, а Тайная Канцелярия заменяет дыбу хирургическим скальпелем. Но пока сестра строит империю из железа и крови, её племянник Александр постигает науки Европы, готовясь стать идеальным инструментом власти, лишенным слабостей плоти. Мир начинает замечать эту новую силу. Французские кардиналы предлагают союзы, английские шпионы крадут чертежи магнитных дорог, а в болотах Прибалтики зреет мятеж нового типа — секта «Истинного Света», чьи последователи добровольно срастаются с металлом, чтобы обрести бессмертие. Когда древний враг возвращается, вооруженный украденными секретами самой Агаты, становится ясно: эпоха тайной диктатуры подошла к концу. Чтобы защитить то, что было построено на костях, придется выйти из тени.

© Ананьина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Юлия Ананьина

Эпоха безликой королевы

Глава

Глава 1. Золото и Сера (Лето 1620 года)

Десять лет — срок, достаточный для того, чтобы история превратилась в легенду, а плоть истлела в могиле.

Москва изменилась до неузнаваемости. Смута осталась в страшных сказках нянек. На престоле сидел Михаил Федорович Романов — тихий, богобоязненный государь, окруживший себя старцами-богомольцами и дьяками Посольского приказа. При дворе снова носили длинные рукава, говорили шепотом и били поклоны так низко, что ломали затылки о каменные плиты Грановитой палаты. Официально Россия была спасена верой и молитвами Казанской иконы Божьей Матери.

Но истинная власть пахла иначе. Она пахла серой, жженым углем и озоном после грозы.

Агата стояла на смотровой площадке Сухаревой башни — нового каменного исполина, возведенного по её приказу. Москва отсюда лежала как на ладони: игрушечные купола церквей тонули в море деревянных крыш, над которыми поднимались первые, еще редкие столбы промышленного дыма. Там, за Яузой, дыбились конструкции «Водяных мельниц» — заводов, где пушки лились не горном, а давлением воды. Это было будущее, которое она строила из костей старой аристократии.

Ей было тридцать пять. Для этого века — глубокая старуха для женщины, пережившей столько отравлений и нервных срывов. Но Агата выглядела неизменной. Платиновая маска стала частью её кожи, проросла узорами в мышцы. Левый глаз полностью заменили механизмом из темного стекла и серебра — линза позволяла видеть тепловые следы и увеличивала предметы втрое. Правый глаз оставался прежним — желтым, волчьим, видящим саму суть болезни в людях.

— Хозяйка, депеша из Тулы, — раздался за спиной знакомый скрипучий голос.

Хмур тоже изменился. Старость брала свое, но он стал лишь опаснее, как старый нож с зазубренным лезвием. Вместо правого глаза у него теперь был вставлен круглый кусочек вулканического стекла, который жутко поблескивал в тени капюшона.

Агата взяла свиток, даже не повернув головы. Печать с гербом Демидовых-Корсаковых (симбиоз старого рода и новой воли) хрустнула под пальцами.

«Сестрица, — писала Катя почерком, ставшим твердым как сталь. — Пришли чертежи лафета. Наша "Единорог" бьет дальше голландских фальконетов на двести сажен, но при откате прыгает, как лягушка. Мастера воруют медь с ободьев. Вешать? Или сварить в кипящем масле? Масло сейчас дорого, лучше повесить. Жду указаний».

Агата позволила себе тень улыбки. Одна половина лица (маска) осталась неподвижной, вторая исказилась гримасой хищника.

— Повесить троих. Самых толстых. Масло оставь для жарки рыбы, казна пуста, — бросила она через плечо. — И пришли мне образцы руды с горы Магнитной. Если там действительно чистая железная скала, мы перестроим весь Урал. Дерево кончается, будем жечь кокс.

Глава 2. Царский зверинец

Во дворце тишина была оглушающей. Агата шла по коридорам, и придворные вжимались в стены. Десять лет назад они пытались её травить. Теперь они боялись дышать в её присутствии.

Она вошла в личные покои царя без доклада. Михаил Романов вздрогнул, прервав чтение Псалтыря. Он всё ещё боялся её — этот взрослый мужчина с мягким лицом, которого природа создала для монастырской кельи, а судьба посадила на трон.

— Государь, — Агата опустилась в кресло без приглашения. — Бояре просят денег на войну с турками. Хотят отбивать Азов.

Михаил перекрестился:

— Дело благое... Святая земля...

— Дело глупое, — отрезала Агата. — У нас нет флота. Нет портов на юге. Чтобы взять Азов, нам нужно сто тысяч солдат и провиант на три года. Казна даст трещину, начнется голод, и твои любимые бояре сами откроют ворота любому шведу или поляку, кто пообещает им мешок муки. Ты хочешь повторения Смуты?

Царь молчал, теребя наперсный крест.

— Они называют тебя Вороном, Агата. Говорят, ты пьешь кровь младенцев ради молодости.

— Пусть говорят, — она равнодушно пожала плечами. — Пока они обсуждают мою диету, они не обсуждают твою никчемность. Тебе нужны деньги на армию?

— Да! Господь велит защищать веру!

— Хорошо. Я дам тебе золото. Много золота. Мои заводы на Урале чеканят монету чище английской. Но взамен я хочу Указ. О создании Тайного Приказа Горных и Рудных дел. Полное подчинение лично тебе. Отмена всех пошлин на железо. И право выносить смертные приговоры мастерам-изменникам без Собора. Мне надоело объясняться с попами, почему очередной литейщик полетел с колокольни.

Михаил сглотнул. Его взгляд метнулся к иконам, ища поддержки.

— Это жестоко, сестра...

— Это математика, братец, — Агата наклонилась вперед. Её правый желтый глаз впился в царя, гипнотизируя. — Железо — это хлеб войны. Кто владеет металлом, тот владеет миром. Ты можешь быть набожным идиотом на троне, если твоя левая рука — холодный убийца с полной мощью. Подписывай.

Она швырнула на стол пергамент и тяжелую золотую чернильницу.

Рука царя дрожала, когда он выводил подпись. Но он подписал. Как подписывал всё остальное последние десять лет.

Глава 3. Наследник теней

Александр подрастал. Ему исполнилось двенадцать. Мальчик был копией отца внешне — те же тонкие черты, светлые волосы. Но внутри него жил механизм, настроенный сестрой его матери.

Он никогда не плакал. Никогда не смеялся громко. Александр двигался плавно, бесшумно, словно кот. Он знал названия сотни ядов по запаху, умел читать следы на камнях и владел шпагой так, будто родился с ней в руке.

Сегодня Агата привела его в Арсенал — подземелье под Сухаревой башней, куда не спускался никто, кроме неё и Хмура.

На столе лежало оружие. Не русское, не польское. Легкие мушкеты странной формы с прикладами из черного дерева и стволами, покрытыми резьбой.

— Это пришло от Кати, — сказала Агата, беря один из мушкетов. — Калибр меньше, скорость полета ядра выше. Нарезы внутри ствола заставляют пулю крутиться. Она летит прямо и далеко. Мы назовем это... штуцер.

Александр взял оружие. Его детские руки уверенно легли на ложу. Он вскинул мушкет к плечу, прицелился в нарисованную мишень на стене. Движения были точными, расчетливыми.

— Почему дым такой белый? — спросил мальчик ровным голосом.

— Потому что здесь не селитра, а новое соединение. Аммиачная соль. Почти без запаха. Стрелка не заметят в тумане, — Агата положила руку ему на затылок. Волосы мальчика были мягкими, но кожа уже загрубела от мозолей оружия. — Скоро тебе придется ехать туда, Саша.

Мальчик впервые поднял на неё свои серьезные глаза.

— На Урал?

— Дальше. В Европу. Король Дании ищет союзников против Швеции. Им нужны наши ружья. А мне нужен их флот, чтобы перекрыть балтийские пути Ганзы. Ты поедешь послом. Тебе четырнадцать. Идеальный возраст для чудовища — люди недооценивают детей.

— Меня убьют, — констатировал Александр. Без страха. Просто как факт.

— Возможно, — кивнула Агата. — Поэтому перед сном ты будешь пить вот это.

Она протянула ему маленький флакон синего стекла.

— Что это?

— Любовь твоей тетушки. Противоядие широкого спектра. Если почувствуешь вкус миндаля во рту, горечь на языке или просто начнешь потеть холодным потом — выпей всё сразу. И продолжай переговоры. Страх смерти делает речь очень убедительной, сынок.

Впервые за долгие годы слово «сынок», сорвавшееся с губ Агаты, прозвучало не как обращение к царю Дмитрию, а как признание родства. Холодного, стального, но безусловного.

Где-то в недрах башни ударил колокол, отсчитывая часы работы мастерских. Звук был похож на биение гигантского механического сердца.

Эпоха деревьев закончилась. Наступал век железа.

Глава 4. Посол из преисподней

Европа встретила Александра не колокольным звоном, а запахом нечистот и кислого вина.

Париж 1620 года задыхался в собственном величии. Узкие улочки тонули в помоях, которые выплескивали прямо из окон верхних этажей, а Версаль еще только грезился молодому Людовику XIII. Но интриги здесь плелись такие, что московские боярские терки казались детской игрой в песочнице.

Александру было четырнадцать. По документам — купеческий сын Димитрий Корсаков, представитель «Уральского Горного Товарищества». На деле — личный посланник Безликой Королевы.

Его кортеж въехал в Париж через ворота Сен-Дени под проливным дождем. Французская стража с подозрением косилась на охрану посла: рослые бородатые люди в черных кафта-

нах, вооруженные короткими обрезами, которые они называли «обрезни». Эти ружья стреляли картечью так часто, что напоминали стук швейной машинки, и почти не давали отдачи.

— Месье слишком мрачен для страны солнца и любви, — раздался тягучий голос с балкона второго этажа таверны.

Александр поднял голову. Там, небрежно облокотившись о перила, сидел человек в мокром бархатном плаще. Его лицо было бледным, как у покойника, а улыбка обнажала зубы, подпиленные на манер волчьих.

— Любовь гниет быстрее рыбы на солнце, шевалье де Роган, — ответил Александр по-французски без малейшего акцента. Голос мальчика был лишен возрастных трещин — ровный, глубокий, гипнотический. — Я предпочитаю запах серы. Он честнее.

Роган (агент кардинала Ришелье, курирующий тайные убийства) вздрогнул. Откуда русский щенок знает его имя? И почему от звука этого голоса хочется проверить, на месте ли кошелек и бьется ли сердце?

Глава 5. Лаборатория ангелов

Вместо Лувра Александр потребовал снять дом в Марэ — районе, который аристократы обходили стороной из-за вони кожевенных мастерских. Но именно там жил аптекарь Этьен Леблан — лучший химик Европы, бежавший от инквизиции Испании.

Леблан оказался сгорбленным стариком с желтыми от кислот пальцами. Когда русские внесли в его тесную лабораторию сундуки, пахнущие странными, резкими ароматами, глаза алхимика загорелись безумным огнем.

— Это... это невозможно! — шептал он, перебирая кристаллы селитры, присланные с Урала. — Чистота девяносто процентов! В Европе мы едва добываем шестьдесят!

— Моя наставница считает вашу химию баловством для ярмарочных фокусов, — сказал Александр, сидя в кресле и наблюдая за стариком. Мальчик играл кинжалом, подбрасывая его и ловя за лезвие голыми пальцами. Ни одной капли крови. — Она просит синтезировать Aqua Toffana.

Старик замер, обернувшись. Капля пота стекла по его виску.

— Госпожа Тофана мертва. Её мышьяк из Неаполя травил половину Рима. Церковь...

— Церковь далеко, — перебил Александр. — А моя госпожа близко. Нам нужен яд, который не имеет вкуса, цвета и запаха. Который растворяется в любой жидкости. И главное — симптомы которого похожи на чахотку или дизентерию. Медленный яд. Чтобы политик успел подписать нужные бумаги, прежде чем начнет харкать кровью.

— Это требует времени... лаборатории... золота...

Александр бросил на стол тяжелый кошелек. Золотые монеты с профилем несуществующего царя ударились о дерево.

— Этого хватит, чтобы купить аббатство вместе с монахами. Срок — две недели. Если задержишься, мой капитан Хмур научит тебя плавить стекло прямо внутри твоего черепа. Говорят, это очень красиво выглядит изнутри.

Глава 6. Бал-маскарад смерти

Через три недели герцог Орлеанский давал прием. Собрался весь цвет французской оппозиции королю. Александр получил приглашение благодаря своим деньгам — золото Урала открывало любые двери.

Он вошел в зал последним. Среди париков, шелка и пудры мальчик в строгом черном камзоле русского кроя выглядел как ворон среди павлинов. Маску он не надел.

Дамы шептались:

— Какое интересное дитя... Сколько ему? Четырнадцать? Взгляд убийцы...

Герцог Бекингом, английский посол, известный своей распущенностью и острым умом, подошел к нему с бокалом шампанского.

— Русские медведи учатся танцевать менуэт? — усмехнулся англичанин. — Или вы просто новый вид экзотического зверя для королевского зоопарка?

— Зверей кормят мясом, милорд, — спокойно ответил Александр, принимая бокал. — Мы же привезли вам инструмент. Инструмент власти.

Бекингом прищурился.

— Железо?

— Информация. И химия. Слышали о новом составе пороха, который не сыреет даже под водой? Катя изобрела его месяц назад. Англия до сих пор теряет корабли из-за плесени в пороховых погребах. Мы можем продать секрет. А можем подарить испанцам.

Англичанин побледнел. Контроль над морями трещал по швам.

Александр сделал глоток из своего бокала. Вино было сладким, с нотками винограда Шампани. Он знал, что в вино герцога уже добавили каплю синего масла из флакона Леблана — легкого афродизиака, делающего собеседника сговорчивым. Себе же он плеснул противоядие из перстня перед входом.

— Чего хочет ваша... госпожа? — голос Бекингема стал серьезным.

— Ничего сложного, — пожал плечами мальчик. — Свободный проход через Ла-Манш для наших торговых судов. И признание титула моей наставницы. Официальное. Королева Англии должна писать письма «Её Теневеличеству Агате».

Бекингом поперхнулся.

— Вы сошли с ума. Признать ведьму королевой?!

— Мы предпочитаем термин «Главный Химик Империи», — холодно улыбнулся Александр. — Так что выбирайте, милорд. Либо вы пьете со мной за здоровье самой влиятельной женщины Севера, либо завтра ваши матросы будут чистить пушки ржавыми ножами, пока голландцы жгут Лондон.

Где-то вдалеке заиграл оркестр. Началась павана — танец скорби.

Александр смотрел на танцующие пары. Он видел их болезни: красные пятна сифилиса на коже кавалеров, желтоватый оттенок глаз дам, говорящий о больной печени, нервный тик министра финансов, вызванный хроническим страхом разорения.

«Они больны, — подумал он. — Весь этот мир прогнил. Мать Глаша дала им огонь, но они всё равно предпочитают гнить в темноте. Значит, нужно добавить жара».

Он допил вино и поставил пустой бокал на поднос проходящего слуги.

— Найдите мне кардинала Ришелье, — тихо приказал он своему адъютанту. — Передайте, что ученик готов обсудить покупку всего Парижа. Одним платежом.

Глава 7. Красное и Черное

Кардинал Ришелье принял его не в Лувре, а в старом замке Сорбонны — месте тихом, пропитанном запахом пыли, воска и старой бумаги. «Серый кардинал» любил серый цвет: он скрывал пятна крови лучше, чем черный.

Ришелье сидел за огромным столом, заваленным картами Европы. Когда ввели Александра, кардинал даже не поднял головы от письма, продолжая скрипеть пером. Он позволил мальчику стоять под пристальными взглядами гвардейцев-мушкетеров ровно семь минут. Это был первый тест на выдержку.

Александр прошел его идеально. Он просто стоял, чуть склонив голову набок, рассматривая лепнину на потолке с видом человека, оценивающего стоимость ремонта.

— Вам четырнадцать лет, месье... Корсаков? — наконец произнес Ришелье, отложив перо. Его голос был лишен эмоций, как у хорошо настроенного механизма.

— Четырнадцать весен, Ваше Высокопреосвященство. В Московии считают зимы, они дольше, — ответил Александр. Мальчик говорил по-французски безупречно, но иногда использовал странные обороты, выдающие перевод с жесткого, рубленого русского языка.

— Я читал донесения о вашей наставнице. Агата. Признаться, я восхищен её размахом. Продавать пушки обеим сторонам конфликта, держать царя Михаила на цепи из молитв, травить боярскую думу чумой собственного производства... Это уровень Римской курии.

— Вы льстите нам, — губы Александра тронула улыбка, которая никогда не касалась его глаз. — Мы лишь скромные промышленники. А вот вы пытаетесь объединить раздробленную Францию железом и кровью. Нам есть чему поучиться друг у друга.

Ришелье сцепил пальцы в замок. Его взгляд стал острым, как стилет.

— Чего именно хочет Безликая Королева? Париж слишком велик для одного кошелька, даже вашего.

— Не Парижа. Балтики, — Александр подошел к столу (гвардейцы дернулись, но жест кардинала остановил их) и ткнул пальцем в карту побережья. — Швеция грызет Польшу. Дания боится Швеции. Голландия богатеет на перевозках. Англия смотрит на всех сверху. Русь заперта льдами Белого моря три четверти года. Нам нужен выход к Риге и Нарве.

— И вы решили купить этот выход через меня?

— Я предлагаю союз. Технологии в обмен на флот. Ваши корабли строят из сырого дуба — корабли гниют за пять лет. Катя шьет корпуса из лиственницы и железа. Они стоят веками. Ваши мушкеты дают осечку в дождь. Наши «обрезни» бьют сквозь кирасу. Взамен мы просим только одно: чтобы Франция перестала спонсировать польских мятежников против Москвы. Польша должна гореть, кардинал. Это откроет нам дорогу на Запад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.